

Евроотец

№ 1, 10 мая 2006 года

ГАЗЕТА РОССИЙСКИХ ЗАПАДНИКОВ

Она поторопила судьбу

Я был немало удивлен, когда зимой 1989 года мне позвонил один знакомый и сказал, что со мной хочет поговорить Галина Старовойтова, и, как он понимает, она собирается просить меня принять защиту лидера армян Нагорного Карабаха Аркадия Манучарова. О деле Манучарова я слышал, имя Старовойтовой знал, но тогда еще оно не слишком много значило для меня. Я весьма скептически отнесся к этому предложению и позвонил Галине Васильевне, чтобы поблагодарить и... отказаться. Но я не успел сделать этого, как она сказала, что это просьба даже не столько ее, сколько академика Сахарова. Я не стал спрашивать, откуда Андрею Дмитриевичу известно о моей скромной особе, хотя до сих пор подозреваю, что с ее стороны это была маленькая хитрость: Сахарову обо мне рассказала сама Галина Васильевна и просто попросила разрешения действовать от его имени. Но хитрость сработала, я дал согласие, о чем впоследствии никогда не жалел, тем более что в Карабах ехать не пришлось, поскольку очень скоро усилиями Сахарова расследование дела Манучарова было поручено Генеральной прокуратуре СССР, и сам он из изолятора г. Шуши был переведен в Москву, в «Бутырку». Забегая вперед, скажу, что следствие, потом судебное рассмотрение дела, потом опять следствие затянулось почти на полтора года. Все это время я постоянно общался с Галиной Васильевной.

В то время страна готовилась к открытию первого съезда народных депутатов СССР. Как и большинство только что избранных иногородних депутатов, Старовойтова жила в гостинице «Москва». С ее помощью мне удалось поселиться там же, что создавало идеальные условия для общения, когда в этом возникала необходимость. А возникла она часто и не только в связи с делом Манучарова. Я сам предложил Галине Васильевне быть чем-то вроде ее советника по юридическим вопросам, и таких вопросов у нее было много. Меня же интересовало все, что происходит в кулуарах большой политики, и Галина Васильевна рассказывала о том, чего нельзя было увидеть по телевизору. Она не раз приглашала меня на разные собрания и встречи, в том числе — на собрания только что созданной межрегиональной депутатской группы.

Чем лучше я узнавал Галину Васильевну, тем больше восхищался удивительным сочетанием блестящих качеств, которые редко даются одному человеку. Глубокий аналитический ум и стальная логика усиливались удивительной дисциплиной мышления, что позволяло ей быстро вникать в самую суть любой проблемы, налету улавливать главное, не отвлекаясь на «периферийные» сюжеты. Многим известен ее уникальный ораторский дар, но я-то оцениваю его как профессионал, который и сам кое-что умеет, да и не раз слушал речи лучших современных золотоустов. Я утверждал (и говорил об этом ей, да она и не спорила, поскольку хорошо знала себе цену), что в адвокатуре ей не было бы равных. Она говорила на таком хорошем и чистом русском языке, что ее выступления можно было публиковать без всякой правки. До сих пор не

понимаю, как она это делала. Спокойный тон без внешних эффектов и модуляций, без смены темпа, без всякой жестикюляции и мимики. Только за счет какого-то особенного убеждения в своей правоте и внутреннего напряжения создавался необходимый эмоциональный настрой. Галина Васильевна умела заставить слушать себя даже непримиримых идейных врагов. Из тех, кто на себе испытал ее полемическую хватку, мгновенную и точную реакцию, вновь вступать в открытый спор с ней решились немногие.

В то же время мало кто умел так терпеливо и доброжелательно говорить с самыми разными людьми. Вспоминаю наши совместные походы на различные съезды и конференции, среди участников которых иногда встречались не вполне психически здоровые люди. Однажды как раз такой тип подошел к ней с пачкой рентгеновских снимков. Демонстрируя их на просвет, он начал доказывать, что под зубной коронкой КГБ установил ему «уздечку», с помощью которой «сканирует мозг и дает команды». Меня тоже не раз доставали подобными проблемами, поэтому уже при первых словах я начал «закипать», думая о том, как бы не слишком грубо, но побыстрее «отпнуть» бедолагу. Галина Васильевна жестом остановила меня, не перебивая, выслушала его до конца, посмотрела снимки, затем что-то записала на листке и протянула со словами: «Вот адрес замечательной зубной клиники, я сама в ней лечусь, там надежные врачи, они быстро поменяют вам коронку и удалят все лишнее». Приветливо улыбнулась и пошла дальше.

Я не раз присутствовал при том, как она давала интервью. Если это было не в прямом эфире, она сначала спрашивала, сколько времени займет ее ответ в сюжете, после чего, мельком взглянув на часы, начинала говорить. Я не раз проверял: она укладывалась секунда в секунду. По-настоящему я оценил это позднее, когда мне самому пришлось много раз давать интервью: при выпуске в эфир режиссеры произвольно выбирали из сказанного то, что им представлялось интересным, безбожно искажая смысл. Для пишущих журналистов она наговаривала в диктофон готовый, не требующий никакой доработки текст, уточняя, где должна быть запятая, где двоеточие... Я видел черновики ее выступлений, в них тоже почти не было правки, настолько глубоко было продумано все, прежде чем она бралась за перо.

После того как Манучаров был освобожден, наши встречи с Галиной Васильевной стали носить эпизодический характер, но все же виделись мы довольно часто. Если же перерыв был слишком большим, я звонил ей и полуслушя говорил, что срочно нужно встретиться, а то я (как честный старик в комедии Е. Шварца) взбунтуюсь, и начну думать, что она «не величайшая из всех политиков, а просто выдающаяся»...

В феврале 1996 года как адвокат я принял дело капитана А. Никитина, обвиненного в государственной измене. Это была затяжная (четыре с половиной года!), изнурительная работа. На одном из этапов нами была поставлена задача, добиться изменения меры пре-

сечения Никитину. Тогда далеко не все были уверены в его невинности, и мобилизация общественности на оказание моральной поддержки шла нелегко. Я старался использовать каждый шанс, объяснял, уговаривал, просил. По-моему, в мае в Москве проходила юбилейная конференция Московской Хельсинской группы. Когда мне дали слово, я, естественно, завел речь о Никитине, как мог, привел доказательства его невинности и обратился с просьбой представить личные поручительства в его защиту, которые могут стать альтернативой заключения под стражу. Я еще был на трибуне, когда заметил, как Галина Васильевна достала из сумки блокнот и быстро начала что-то писать. Я подумал, что это ее письменный вопрос мне. Оказалось, что это было адресованное следственной службе ФСБ, безупречное по процессуальной форме (она со времен Манучарова запомнила, как надо его писать) поручительство. Оно стало первым, но примеру Старовойтовой последовали еще несколько десятков депутатов. Она поверила мне, а ей поверили многие.

С дела Манучарова начался новый этап в моей адвокатской жизни, если так можно сказать, произошла профессиональная переориентация на защиту людей, преследуемых по политическим мотивам. Нельзя сказать, что это благоприятно отразилось на моих адвокатских гонорах (бизнесменов и бандитов защищать куда как выгоднее), но этот осознанный выбор я сделал сам. Конечно, рано или поздно это должно было произойти и без «посредничества» Галины Васильевны, но не раз я мысленно благодарил ту, которая поторопила судьбу. И уже по одному этому я продолжаю считать себя ее должником...

Отдавать долг пришлось только после ее трагической смерти, защищая в суде ее честь и достоинство от грязных наветов. Оклеветать, оболгать, лишить доброго имени и заставить уйти из политики ее не раз пытались еще при жизни. Не получилось. Решили убить. Но и мертвая она не давала покоя негодяям, понадобилось замутить светлую память о ней, опорочить посмертно.

Мы не сберегли ее. Тем хуже для нас. Помню, как после смерти Сахарова Галина Васильевна сказала, что мы еще почувствуем, как нам всем его не хватает. Почувствовали. А после ее смерти ощутили себя в полном вакууме. Таких лидеров больше нет. То есть политические лидеры есть, их даже слишком много. Моральных нет, вот в чем беда.

Я много раз думал, как сложилась бы политическая судьба Галины Васильевны, если бы она оставалась с нами. Прошло время надежд, наступило разочарование. Народ чувствует себя обманутым теми, кто громче всех кричал, что «знает, как надо». Социальная пассивность стала естественной реакцией на потерю веры в возможность демократии и свободы в нашей стране. Не сомневаюсь, что Старовойтова осталась бы верна своим идеалам и принципам, да вот только «что смогла бы она одна»? И все же, будь она с нами, жить и дышать было бы легче.

Юрий ШМИДТ, адвокат

Ее голос нельзя было не услышать

Она была из породы тех, кто ДЕЛАЕТ. Не просто рассуждает, часто бездумно повторяя гладкие, много раз до того кем-то сказанные слова. Она умела думать самостоятельно, ни на кого не оглядываясь и не боясь, что, не желая понять, осудят, наклеят ярлык. Так она вела себя в науке, в политике, во власти.

Это ей принадлежит глава Конституции о правах человека. Это она создала и добилась принятия в Московской Думе и Законодательном собрании Петербурга законов о запрете применения нацистской символики или похожей на нее. Добилась бы и выполнения этих законов, но — остановила пуля. Пуля всегда останавливает тех, кто не просто говорит, но делает. То же позднее случилось и с Николаем Гиренко, потому что, не красуясь, не добиваясь для себя званий и привилегий — делал, противостоял набирающему силу в России нацизму.

Старовойтова была во власти и добиться могла многого. В сегодняшней власти у нас таких людей просто нет. А потому и убивают на улицах тех, чья кожа имеет не тот цвет, потому и оправдывают убийц, потому и придумывают всяческие объяснения нарастающему валу нацизма-расизма. Это, дескать, все от нашей неустроенности, бедности, от того, что никто не додумался до новой национальной идеи, не создал анти-мифа, противоположного тем мифам, которые лежат в основе нацизма.

Все это, к сожалению, слова, умные, красивые, но никуда не ведущие.

С нацизмом сегодня могла бы покончить только власть. И будь там, во власти, такие люди, как Галина Ста-

ровойтова, это было бы возможно. Но их нет, есть говоруны и неумки, не понимающие, что нацизм грозит не только таджикским девочкам или чернокожим студентам, но им самим. Не понимающие, а, может, и тайно сочувствующие нацистам, вообразив, что в случае «оранжевых» неприятностей, на них — (кто знает?) можно будет и опереться, натравив на инакомыслящих. Наверняка есть и такие.

А те, кто разводит руками — мол, не знаем, как справиться, как заставить работать существующие законы или создать новые, забыли, видно, как бросились в свое время, спущенные с цепи спецслужбы на диссидентов, умели и выследить, и схватить, и осудить.

Сегодняшние не могут — с диссидентами бороться было легко и приятно, они были чужие, враги, а нацисты?... Да и не прятались диссиденты, а эти знают, что такое конспирация.

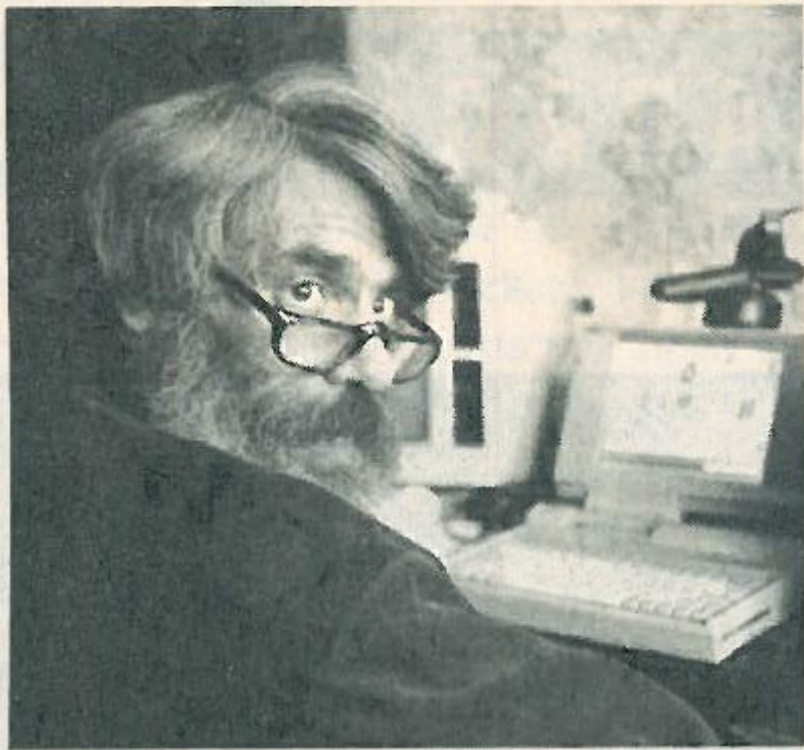
Уверена — была бы жива Галина Старовойтова, нашлись бы у нее и нужные слова и дельные предложения, от которых не отмахнешься. Ее голос нельзя было бы не услышать.

И потому ее убили.

НИНА КАТЕРЛИ, писатель

Она верила: жизнь можно изменить к лучшему

Виктор Кривулин
Поэт, публицист, культуролог

17 мая 1999 года Галине Васильевне Старовойтовой исполнилось бы 53 года. Она не дожила полгода до этой даты. Но чем больше времени проходит с момента ее убийства, тем сильнее ощущается отсутствие Галины Васильевны в политической жизни страны.

Ничем (а точнее — никем) не заполнимый нравственный и интеллектуальный вакуум — вот та среда, в которой мы живем сейчас, не имея возможности назвать ни одного реального политика, с чьим именем связывались бы слово «демократия» в его изначальном, подлинном и высоком значении. Я боюсь, что уход Галины Васильевны из жизни надолго лишил российское общество надежд на радикальные позитивные перемены, потому что она была не про-

Юлий Рыбаков

Художник, правозащитник, бывший депутат Госдумы

Появление Старовойтовой в кулуарах Государственной Думы, или просто в каком-либо кругу никогда не оставалось незамеченным. И я думаю, что дело тут не столько в статусе депутата или политического лидера. Есть люди, которые прячут себя, есть те, кто голосом и жестом старательно привлекают к себе внимание окружающих... Старовойтова, казалось бы, ничего не делала для подачи себя, но и осянка, и всегда гордо поднятая голова невольно обращали на себя внимание... А кроме того, явно существовала какая-то аура, какое-то привлекавшее поле...

Но, к сожалению, оно привлекало не только друзей...

Как правило, наши позиции совпадали. С ней было интересно работать рядом, ум цепкий, острый, оригинальный, который часто демонстративно ситуацию с неожиданной стороны. Любая заметка или ее выступление было болезненным, как правило, для коммунистов или жириновцев. За что ее очень не любили и пытались всегда зашикать, освидетать, не дать ей слова, оборвать. Не раз я был этому свидетелем. Несмотря на это, она очень хорошо держалась в таких ситуациях, даже когда кто-то кричал «Долой!» и пытался ей помешать. Она всегда высказывалась до конца обо всем, очень четко, жестко выбирая выражения.

Светлана Горячева как-то сказала: что вы переживаете о Старовойтовой?

сто депутатом парламента, но центром здоровых сил общества, стержнем, организующим хаотические группки в общем-то немногочисленных сторонников подлинно демократических ценностей в ощутимую политическую силу.

Только теперь, когда Старовойтовой нет с нами, начинаешь понимать, какую тяжелую ношу несла на своих плечах эта женщина. Я думаю, что события Чеченской войны, сыгравшие роковую роль в судьбах молодой российской демократии и способствовавшие ее перерождению в криминально-авторитарный режим.

Она всерьез намерена была выиграть губернаторские выборы в Петербурге — и я убежден: доживи она до выборов — мы жили бы совершенно в ином городе, нежели нынешний, тамбовско-яковлевский провинциальный мегаполис. Но после автоматной очереди, прозвучавшей в ночь на 21 января, мы действительно оказались в другом городе, в другой стране, хотя еще очень немногие, к сожалению, это понимают. Когда спохватятся — будет поздно.

Сегодня у нас одна, общая цель — не пропустить во власть продажных администраторов, циничных дельцов и откровенных бандитов. К власти сейчас рвется и те, кто хотел бы отбросить страну на десятилетия назад, вернуть наше общество к состоянию консервной банки, наглухо закрытой от остального мира. И самое страшное,

Ее рейтинг был очень невысоким в Думе, к ней не прислушивались, и вообще, она мало что значила в политике.

Да, в этой красно-коричневой Думе не только у Старовойтовой, но и у многих демократов невысокий «рейтинг». В отличие от того уважения, каким она пользовалась в обществе. Именно поэтому ее и боялись. Именно поэтому любое предложение с ее стороны проваливалось. Это вовсе не означало, что эти предложения не нужны обществу. Наоборот. Они, шушукаясь, говорили между собой в кулуарах: а нам-то что, чем хуже, тем лучше, потом сделаем то, что она предлагала, а сейчас будем добивать этот демократический режим.

Просидев рядом, на одной скамье пленарных заседаний Государственной Думы три года, мы много раз обсуждали все, что происходило в зале и за его пределами, советовались, шутили, негодовали... Поскольку мы оба и еще десяток других депутатов-демократов не входили ни в одну из фракций или депутатских групп (по-настоящему своих — не было, а в чужие — не хотелось), то, в соответствии с регламентом, предоставившим все преимущества депутатского объединения, мы, неприсоединившиеся, оказались в положении, когда получить слово на заседании могли только в последнюю очередь. Но и тут существовала опасность, что спикер-коммунист г. Селезнев, увидев, что микрофон хочет получить кто-либо из независимых демократов, свернет дискуссию... Он делал это не раз. Боролись мы с этим, собирая подписи о предоставлении слова кому-либо из нас по общему поручению. И часто от нашего имени выступала именно Старовойтова. Ее выступления всегда вызывали злобу у левой, «красной» части зала. Подчас доходило до криков, свиста и оскорблений. Особенно отличался в этом г. Иванов, член КПРФ и «записной адвокат» своей партии... А спикер-коммунист или его коллеги по президиуму никогда не препятствовали хамству своих соратников, охотно сокращая наше время для выступлений. Так случилось и в день, когда Дума впервые обсуждала антисемитские выступления генерала и депутата Макашова, в которых он грозился отправить в могилу десяток-другой «жидов».

самое взрывоопасное — это союз криминального капитала с силами красно-коричневого рванца. Этот союз уже скреплен кровью Галины Старовойтовой. Галина Старовойтова была моим другом. Под ее влиянием я вступил на путь политической деятельности, и сделал это лишь потому, что Галина Васильевна заставила меня снова поверить в то, что жизнь можно изменить к лучшему. Большинство из нас потеряли надежду на это за годы реформ, сопряженных с грубыми ошибками и цинизмом чиновников.

Придя к власти на волне демократического подъема, они слишком быстро забыли свои обещания. И опять, как всегда было в России, отделили себя неприступной стеной от простых людей. Живые люди стали для них «электротом», массой, которую можно дурачить и унижать, подкупать и безнаказанно обманывать. «У нас умный народ, он все прекрасно понимает. Жаль только, что иногда с опозданием». Так говорила Галина Старовойтова. Никто из нынешних политиков не рискнул бы высказаться столь романтично в узком дружеском кругу, потому что никто из них по-настоящему не верит, что Россия может жить как-то по-другому. Что политика бывает не только грязной, народ — не всегда глуп, а народный депутат — не обязательно вор, подлец и дурак.

//Европеец. - № 1, май 1999 года.

За пару дней до этого по инициативе Иосифа Кобзона несколько депутатов, в том числе мы с Галиной Васильевной, направили в Генеральную прокуратуру коллективный депутатский запрос, в котором просили провести правовой анализ публичных выступлений «нового ефрейтора». На следующий день мне позвонили из отдела кадров Думы с вопросом: согласен ли я на то, что депутату Макашову будет назван мой домашний адрес? На мой вопрос, зачем он ему понадобился, мне передали, что тот собрался судиться с теми, кто сделал запрос в прокуратуру о его выступлениях, что для предъявления иска в суд ему нужно указать адреса своих обидчиков. Такое согласие я дал, считая, что генералу не составит труда узнать адрес и без меня. А потом узнал, что тот же интерес он проявил и к адресу Старовойтовой. Пленарное заседание вела член КПРФ Горячева.

Увидев поднятую Галиной Васильевной руку, она долго ее не замечала, а потом, убедившись, что мы настойчиво требуем слова, предложила закрыть прения, что и было охотно сделано ее соратниками... Макашов адреса получил, но в суд так и не подал.

Как стало известно, после убийства Старовойтовой в суд обратился г. Селезнев. Он потребовал моральной и денежной компенсации за острую статью, которую написала Галина Васильевна в газете «Северная Столица», рассказав в ней о том, как Председатель Российского Парламента публично лоббирует интересы некой общественной организации, учредителями которой стали высшие чины спецслужб, предприниматели и ученые мужи прокоммунистической ориентации. Суд подтвердил авторство, но Селезнев, в полном соответствии с традициями большевизма, преследовавшего врагов аж до седьмого колена, потребовал компенсации уже не от убитого противника, а от его идейных наследников и соратников... Не удивлюсь, если он получит формальную победу. Но важно не это, а то, что Старовойтова даже после расстрела осталась для коммунистов противником, с которым приходится бороться... Но им никогда не одержать моральной победы.

Галина Васильевна была очень живым и ярким человеком и осталась им для друзей и врагов.

За что убили Галину Старовойтову

Беседа с Русланом Линьковым, бывшим помощником Галины Старовойтовой, раненным в ночь убийства депутата, чудом выжившим и ныне выступающим на процессе по делу об убийстве, в качестве свидетеля обвинения и потерпевшего.

Интервью записано в мае месяце 2005 года, когда Руслану еще не был известен приговор суда, по которому двое непосредственных исполнителей убийства, Колчин и Акишин получили сроки в 23,5 и 20 лет заключения, а четверо их соучастников были отпущены судом из-за истечения сроков давности по их преступлениям.

— Кто проходит в качестве обвиняемых в убийстве Галины Старовойтовой?

— Обвиняемых на скамье подсудимых было шестеро: Колчин, Лелявин, Акишин, Воронин, Краснов и Ионов. Еще двое пока не подсудимые, но обвиняемые, поскольку обвинение им уже предъявлено, и они знакомятся с материалами дела. Они, видимо, предстанут перед судом к концу лета — в начале осени. Это технические исполнители убийства.

— Значит, вина их уже доказана в суде и приговор в отношении них вряд ли будет оправдательный?

— Я не думаю, что может быть оправдательный приговор, поскольку доказательная база, которая была оглашена на суде, весьма существенна и дает основания для вынесения обвинительного приговора. Сейчас уже складывается полная картина из мозаики, которая раньше была хаотически рассыпана по материалам дела. Теперь, когда все показания уже прозвучали, все доказательства, документы и факты предъявлены, сомнений больше нет. Есть показания обвиняемого Воронина, который рассказал, что он осуществлял слежку, как эта слежка велась, кто в ней участвовал, кто давал указания, кто покупал оружие, кто непосредственно исполнял убийство, кто стрелял, кто «вел» из аэропорта Галину Старовойтову до дома. Показания обвиняемого ИONOва, который признал факт установления прослушивающих устройств и факт подвоза некоторых участников этой преступной группы к дому Галины Старовойтовой. Есть показания Краснова, который тоже признал факт участия в незаконной прослушке и в слежке за Старовойтовой. К этому добавляются показания привезенного из Бельгии Стехновского, который подтвердил факт покупки оружия, автомата Аграм-2000, и передачи этого оружия Мусину, одному из разыскиваемых участников преступной группы. Если все это еще объединить с результатами билинговых соединений (сигналы на базовую станцию от мобильного телефона человека, перемещающегося по городу) всех участников этой преступной группы вечером и в ночь на 20 ноября 1998 года, то они полностью совпадают и с перемещениями Галины Старовойтовой: как с моментом ее нахождения у родителей в Сосновой Поляне, так и с путем следования домой, на канал Грибоедова. Кроме того, эти соединения совпадают со временем до выстрелов и после выстрелов. Нет никаких сомнений, что судят именно исполнителей убийства Галины Васильевны.

— Звучала ли когда-нибудь в ходе следствия и суда хоть какая-то информация о корыстных мотивах этого преступления?

— Единственный свидетель, который говорил в суде о гипотетических корыстных мотивах преступления,

был Владимир Вольфович Жириновский. Он приехал из Москвы для дачи показаний, вызванный адвокатом обвиняемых.

— А свидетелем чего был Жириновский? Он ведь не был в Петербурге ни в день убийства, ни в предыдущие или последующие дни, не летел с ней в самолете и вообще никакого отношения к делу не имел?

— Он приехал по приглашению адвокатов подсудимых, как свидетель их защиты. В день дачи показаний в суде, он побывал на кладбище, где похоронена Галина Старовойтова, осуществил на ее могиле акт вандализма, уничтожив защитную конструкцию, залез с ногами на могилу, стал распивать там водку и выкрикивать всякие малопрстойные фразы в адрес покойной, обращаясь к ней на «ты».

После этого он пьяным приехал в суд и заявил, что Старовойтову убили из-за денег, что он до сих пор ее ненавидит, считает ее врагом ЛДПР номер 1. А «ребят, которые находятся за решеткой», он считает «нормальными русскими парнями», оклеветанными и незаслуженно обвиняемыми. Это его личная, ни на чем не основанная гипотеза, вызванная, скорее всего, тем, что на скамье подсудимых сидят члены его партии, люди, которые были помощниками депутата Госдумы от партии ЛДПР Глуценко. Своими показаниями в суде Жириновский только подтвердил идеологическую составляющую в совершении этого преступления. Понятно, что сразу после убийства Галины Старовойтовой в 1998 году, его партия ЛДПР и их депутат Глуценко (сейчас находящийся неизвестно где), как и другие политические силы и спецслужбы, были весьма заинтересованы в том, чтобы перевести это преступление из разряда политического в банальную уголовщину, связанную с некими мифическими, несуществующими экономическими разборками.

— Но факты, свидетельские показания, материалы следствия и суда не дают оснований говорить о финансовой версии?

— Нет. Никаких оснований говорить об этом нет. Следствие велось с 20 ноября 1998 года. Имеется уже три дела по убийству Галины Старовойтовой, до последнего времени их было два. Первое именовалось 55, потом из него было выделено и передано в суд дело под номером 27, с шестью обвиняемыми, и сейчас выделено следующее дело, в отношении еще двоих обвиняемых, которое тоже уже передается в суд. Ни в одном из дел нет материалов о каких-либо корыстных, финансовых мотивах преступления.

Однако сейчас вскрываются совсем другие, идеологические обстоятельства, относящиеся к убийству. Помимо заказчиков убийства Галины Васильевны, посредников-наимателей, подобранных исполнителей преступления, и самих убийц (последних сейчас судят в Санкт-Петербурге), есть еще и такие персонажи, которых можно назвать идейными вдохновителями преступления. Киллерами являются отможенные «братки» из компании, которая собралась вокруг газеты «Русь православная»: это обвиняемый следствием в непосредственной технической организации убийства Колчин, бывший офицер ГРУ, и все его ближайшие сподвижники, которые состояли в Христианской партии духовного возрождения России, издавали приложение к газете «Русь православная» под названием «Русский православный патриот».

За что убили Галину Старовойтову

Окончание. Начало на стр. 2

— То есть убийцы — это не просто киллеры, нанятые заказчиками и посредниками технические сотрудники, исполняющие заказ за деньги, а люди, идейно мотивированные?

— Без сомнения. У них есть духовные, идейные отцы, которые идеологически обосновали киллерам необходимость совершения этого преступления.

— Откуда ты знаешь, что они идейно обосновали необходимость убийства Галины Васильевны?

— Это несложно понять из материалов, которые публиковались в газете «Русский православный патриот» —

завязаны очень многие, в том числе и экономические вопросы. Не секрет, что РПЦ является собственником огромного количества движимого и недвижимого имущества. Видимо, здесь произошла смычка отдельных представителей РПЦ с местным криминалитетом, когда часть собственности была отдана в траст, в управление криминальным силам, той же тамбовской преступной группировке.

— Константин Душенов был на процессе?

— Да, он выступал в суде. Он там сообщил, что был и остается другом обвиняемого Колчина, которого Душенов поименовал «истинным православным патриотом России». Душе-

— Это частная газета, ее финансируют, как сейчас принято говорить, авторитетные круги бизнеса Северо-Запада. Никаких постов он не занимает, сейчас является частным лицом.

— Что за история с угрозами тебе? В чем причина угроз — в твоих показаниях на суде по делу об убийстве Галины Старовойтов? В чем выражались эти угрозы?

— Возможно, здесь целый комплекс причин: и процесс по убийству Галины Старовойтовой, его основные обвиняемые, и ненависть тех, кто в экстремистских газетах и на сайтах публикует смертные приговоры Галине Старовойтов, Николаю Гиренко, мне и другим людям. Тут трудно разделить фигурантов, часто это одни и те же лица,

— Расследование убийства профессора Гиренко как-то продвигается?

— Нет. Никакой новой информации по делу нет, похоже, никого там не разыскивают, никого не обвиняют. Это дело находится в ведении МВД и прокуратуры, оперативное сопровождение дела осуществляет ФСБ. Комментарий под моим интервью, с пожеланием моей скорой отправки на тот свет, был подписан фамилией Втулкин, это не псевдоним, а вполне реальный персонаж, который первым опубликовал в интернете смертный приговор Николаю Гиренко, всего через полтора часа после его убийства, когда сведения о преступлении еще не были широко известны. За это деяние, кстати, гражданин Втулкин не понес никакой ответственности. Еще один сайт нацистов с великодержавным названием опубликовал недавно смертный приговор мне, правда, вскоре заменив его на смертный приговор вице-премьеру Жукову.

Кстати, еще об угрозах убийства. На форуме сайта Росбалт существует регистрация IP-адреса каждого компьютера, с которого отправлялись сообщения, известны администрации сайта. То есть установить авторов угроз совсем несложно, а в УК РФ никто не отменял статью об ответственности за угрозы убийства. Ведь от имени неких организаций угрожают не только какому-то там Линькову, а, например, государственному чиновнику, вице-премьеру Жукову. Или в зале суда родственники обвиняемого в присутствии журналистов громко сожалеют: «Как жаль, что Линькова не добились, надо было добить». Другая родственница обвиняемого публично сказала трехлетнему ребенку, показывая на меня: «Запомни это лицо, вырастешь — отомстишь».

— За что, интересно, отомстить? За то, что его папа тебя не добил, стреляя тебе в голову?

— Наверное, за это.

— Какую стратегию выбрала защита обвиняемых?

— На суде выступал адвокат Колчина Михайлов, который постоянно задавал мне и другим участникам процесса каверзные, с его точки зрения, вопросы, о коварной и всемогущей «мировой закулисе». Он любил спрашивать, как мне платит ЦРУ, с какого года я тружусь в Моссаде, кто был связным у Старовойтовой с британской разведкой МИ-6... Человека клинит не по-детски. Суд постоянно снимал его вопросы, возможно за легкую степень их безумия.

Впрочем, об этом же говорил «свидетель» Жириновский: он уверял суд, что США с помощью Старовойтовой готовили агрессию против России и т.д. Обвиняемые задавали ему много наводящих вопросов в том же русле, видимо, желая продемонстрировать похвальность своего участия в убийстве. В конце допроса Жириновского нам с Ольгой Васильевной, сестрой Галины Старовойтовой, предоставили возможность задать ему вопросы. Но мы от этой сомнительной чести отказались, единственный вопрос задал ему наш адвокат: «Не пила ли Старовойтова кровь христианских младенцев?» На что Жириновский стал охотно расписывать, что пила.

Защита обвиняемых отстаивала версию, что никто из этих шестерых «честных, духовных, нравственных, религиозных и т.д. людей», никогда, никаким боком не мог совершить такого злодеяния и не имел отношения к преступлению. Но все доказательства, улики и факты свидетельствуют об обратном. Однако недавно, их адвокат Михайлов заявил, что следствию надо немедленно задержать подозреваемого Мусина, это он убийца, мол, он знает и истинные мотивы,

и заказчика, он все расскажет, только вы его найдите и посадите на скамью подсудимых. Так и хотелось ответить: ребята, вы там между собой разберитесь, он же из вашего сплоченного коллектива, из «братства». Если вы признаете тот факт, что Мусин является организатором и исполнителем убийства, знает его заказчиков, так это только подтверждает виновность остальных участников бригады, где Колчин был старшим, Мусин — его подчиненным, а все остальные четко исполняли указания Колчина и Мусина. Я не могу объяснить столь низкий уровень адвокатов обвиняемых, но прокурорам впору выписывать им премии и награды за содействие следствию в избличении преступников. Впрочем, наблюдатели считают, что беглого Мусина, видимо, недавно убили, поэтому его имя активно стали называть адвокаты обвиняемых, взваливая на него всю ответственность.

— Многих интересуют материалы о заказчиках преступления и о беглом депутате Жириновце Глуценко. Его вообще ищут?

— Информации, ищут ли Глуценко, или, наоборот, создают ему все условия для свободного перемещения по территории стран СНГ и других государств, для нормальной жизни его в Испании, я не имею. Как мне кажется, скорее, его не ищут.

— Неужели следствие не заинтересовано выйти на заказчика убийства?

— Я предполагаю, что разыскиваемый Глуценко просто шантажирует в Москве кого-то из своих знакомых высокопоставленных чиновников. Возможно, он угрожает им тем, что если следствие будет всерьез заниматься его розыском, выдачей, арестом и осуждением в качестве посредника между заказчиком и убийцами (а скорее всего, он именно посредник, которому сверху спустили этот заказ, и он его разместил в своей собственной бригаде), то экс-депутат Глуценко назовет те или иные высокие имена и фамилии. Все это может осложнить дальнейшее расследование, или вовсе его остановить. Как устанавливается, например, следствие в расследовании деятельности тех лиц, которые были идейными вдохновителями технических исполнителей.

— И много подозреваемых в участии в убийстве Галины Старовойтовой еще находятся в бегах?

— В бегах посредник между заказчиками и бандитами-киллерами экс-депутат от ЛДПР Глуценко, еще скрывается Мусин — технический организатор преступления, Федосов — предполагаемый второй стрелок, который был одет в женский парик и плащ, Богданов, подвозивший преступников к месту убийства и потом участвовавший вместе с убийцами в совместной попойке и в уничтожении улик в квартире на Канонерской улице, где у них была база.

На последнем заседании в репликах сторон выступал обвиняемый Лелявин. Он сказал такие слова: «Я чувствую, что обвиняемый Воронин (который сотрудничал со следствием, не совершал особо тяжких действий и активно давал показания) скоро выйдет на свободу. В связи с этим хочу ему пожелать крепкого здоровья и долгих лет, то есть, извините, дней жизни». Я спросил Лелявина: «Это нужно воспринимать, как угрозу Воронину?» «Можете понимать и так», — ответил подсудимый. Все это прозвучало прямо в зале суда, во время заседания. Посмотрим, что будет дальше.

приложении к газете «Русь православная». Это можно понять и по тому, что неоднократно говорилось в общем офисе Колчина и депутата от ЛДПР Глуценко. Об этих событиях и беседах говорил в суде обвиняемый Воронин. Имя Галины Старовойтовой неоднократно упоминалось в их офисе в связи с тем, что она, якобы, являлась руководителем жидомасонского заговора против русского народа и России, она уничтожила великую державу, и что она должна понести за это наказание.

В этом офисе на богослужениях, которые проводились ежедневно, в обязательном порядке, для всех сотрудников офиса, по два раза в день служил некий человек, который был представлен, как откомандированный от Русской православной церкви. Его называли отец Роман, сейчас его никто не может найти. Он отсидел в свое время срок за убийство и после этого представлялся православным священником. Я видел его фото с гитарой, все руки в тюремных татуировках. В некоторых его проповедях, звучавших в офисе Глуценко-Колчина, свидетели неоднократно слышали пожелания скорой гибели «от руки народных мстителей», «врагам русского народа», и благословения на подобные «ратные подвиги». Как следует из материалов заслушанного дела, вместе с отцом Романом в конторе Колчина-Глуценко (офис, именуемый его сотрудниками «казачьим братством») был почитаем и пользовался огромным авторитетом главный редактор газеты «Русь православная», публикатор антисемитского «письма публитсот» и многих других подобных материалов, Константин Юрьевич Душенов. Он бывший пресс-секретарь покойного петербургского митрополита Иоанна. Во времена митрополита Иоанна, Душенов фактически был вторым лицом в петербургской епархии, а на второе лицо, как известно, обычно

нов так же уверял суд, что сам он в момент убийства находился в Москве, в Госдуме, где, якобы, искал компромат на Галину Старовойтову для того, чтобы его опубликовать, но потом ничего не стал публиковать, так как Галину Васильевну убили. То есть, из его же собственных признаний видна его глубокая ненависть к Галине Васильевне. С другой стороны, в суде господин Душенов лжесвидетельствовал, пытаясь создать алиби главному обвиняемому, бывшему офицеру ГРУ, Юрию Колчину. В материалах дела существуют биллинги соединений мобильных телефонов. Душенов стал утверждать, что вечером 20 ноября 1998 года, он, якобы, звонил Колчину из Государственной думы на мобильный телефон последнего, который снял, некий другой человек». На вопрос, а где же Юра Колчин, этот «другой человек», якобы, сказал, что Колчин, мол, празднует дома новоселье и там все его друзья, нужно звонить туда на домашний номер. После выступления Душенова в суде доказательно выяснилось, что у Колчина на тот момент вообще не было домашнего телефона, а новоселье он праздновал совсем в другой день. Свидетеля защиты Душенова спросили, с какого и на какой номер телефона он звонил Колчину 20 ноября 1998 года. Душенов назвал некий номер мобильного, но оказалось, что телефон с таким номером появился только в 2000-м году, а до этого не был активирован. То есть налицо очевидное лжесвидетельство, попытка обелить убийц. Не исключено, что таким образом Душенов исполняет какие-то свои обязательства перед своим соратником Колчиным.

— Газета Душенова имеет официальное отношение к РПЦ или она частная? Сам он занимает какой-либо пост в епархии?

или их друзья и единомышленники, те, кто сидят и пишут в разнообразных форумах, на сайтах и в редакциях экстремистских газет. Я неоднократно обращался в прокуратуру СПб с требованием пресекать разжигание межнациональной розни, добиваясь применения 282 статьи УК (которая устанавливает ответственность за возбуждение межнациональной розни), по поводу экстремистских публикаций в специфической газете Душенова, пышно названной «Русь православная». В этой газете открыто печатаются призывы к расправе с инакомыслящими, инакововерующими и инаковыглящими. Я проанализировал все номера газеты «Русь православная» за два года, за 2003-й и 2004-й, по результатам и передал в прокуратуру ряд документов, в которых по пунктам указал конкретные факты публикаций, разжигающих межнациональную рознь.

В прошлом году мне удалось добиться возбуждения уголовного дела по 282 статье против погромных публикаций в газете «Наше отечество», но дело заглохло по причине кончины главного ее редактора, Евгения Щечакчихина. После чего в национал-патриотических СМИ появились статьи, что «умученный жидом патриот пал от травли жидомасона Руслана Линькова». На сайтах экстремистских изданий и на форуме сайта Росбалт, под интервью со мной, в котором я рассказывал, какие меры применяются по противодействию экстремизму, появился ряд комментариев, в одном из которых говорилось, что Линьков в списках приговоренных к смертной казни под номером один, приговор вынесен некоей «партией свободы». В другом комментарии говорилось, что мне уже пора встретиться с профессором-этнографом Николаем Гиренко. Николай Михайлович Гиренко был убит членами фашистских организаций, особо и не скрывающих своей причастности к его гибели.

актуальное

Галина СТАРОВОЙТОВА: Генеральские страдания

«Московские новости», № 24, 1997 г.

На прошлой неделе Госдума чуть было не приняла новый закон «О военной службе и воинской обязанности». С большим трудом нескольким демократическим депутатам удалось убедить коллег не совершать этой ошибки. Но борьба вокруг закона еще не закончена: его авторы явно не намерены сдаваться.

Что же сулит обществу закон, «обновленный» под руководством председателя думского Комитета по обороне генерала Рохлина? Прежде всего — новое ущемление гражданских прав и свобод, дальнейшую «дегуманизацию» призыва на военную службу.

Хорошо известно, что общее ухудшение здоровья молодежи привело к тому, что все больше призывников «бракуются» призывными комиссиями. Но и при этом в армию часто попадают тяжелобольные новобранцы, в том

числе в военный госпиталь... И, разумеется, никаких гарантий, что действительно вылетят, а не подлетят для видимости. А затем — автомат в руки, иди служи. Мало нам сегодняшних трагедий, когда психически неуравновешенные солдаты то и дело расстреливают своих сослуживцев?

Авторы законопроекта посчитали «излишеством» сохранение отсрочки от призыва для сыновей одиноких матерей старше 50 лет, лишая этих женщин опеки и поддержки. И это не единственная антигуманная поправка. Предусмотрено, что теперь на военные сборы по произволу военкоматов могут вызываться граждане, имеющие двоих детей или ребенка до трех лет (в том числе грудного). Поможет ли это выживанию армии — неизвестно, но по семье ударит очень больно.

ловное преследование за уклонение от службы грозит любому, кто не явился по вызову в военкомат, — даже если человек просто не получил повестку. Всем известно, как работает наша почта. По видимому, каждому военнообязанному после принятия такого закона придется регулярно навещать в военкомат — узнавать, не нужно ли его.

Законопроект не предполагает право граждан на альтернативную военную службу, а ведь в Конституции оно предусмотрено. Напомню, что в недрах рохлинского комитета уже вызрел такой законопроект об альтернативной службе, по которому «альтернатива» становится еще более страшным наказанием, чем служба в современной российской армии...

Не могу сказать, что ныне действующий Закон о военной службе, принятый еще в 1992 году российским Верховным Советом, хорош. Но в нем, по крайней мере, нет такого откровенного попрания прав человека, как в варианте, предложенном рохлинским комитетом. Из текста «обновленного» закона, как ослиные уши, торчат интересы военного ведомства. При этом демонстративно игнорируется то, что в стране, наконец, дан импульс военной реформе, которая — есть надежда — приведет к установлению гражданского контроля над силовыми структурами, удешевлению армии. Генералы очень торопятся обогнать мешкающих реформаторов. Нарушив процедуру работы над поправками и даже пойдя на прямые фальсификации, они изо всех сил пытались уговорить депутатов принять никуда не годный закон. И чуть было не уговорили, упирая на то, что только так можно укрепить обороноспособность страны.

На самом деле всем, кто озабочен обороноспособностью России, надо думать не об укреплении существующей негодной системы, а о том, как создать армию профессиональную и не слишком обременительную для общества. Для этого нужна военная реформа, а вовсе не закон, который игнорирует необходимость военной реформы. Выступая в зале заседаний, генерал Рохлин заявил, что этот закон ждут и приветствуют все люди, которые носят погоны. Но забыл добавить одно слово: генеральские погоны. Все остальные (не только солдаты и солдатские матери, но и большинство профессиональных военных) заинтересованы в другом: в кардинальной реформе Вооруженных сил.

Люстрация в России: быть или не быть?

«Московские новости», № 5, 1993 г.

В эпоху реформации кадровые замены «консерваторов» на «реформаторов» в системе государственного управления кажутся мерой настолько логичной, что искушения испробовать ее в принудительном варианте не избежали многие страны. Но ни одна из них не рискует расценивать свой опыт как исключительно позитивный. Тем не менее, Россия, похоже, собирается повторить пройденный другими путь. Движение «Демократическая Россия» намерено предложить Верховному Совету законопроект о люстрации — кадровых проверках и запрете на профессии для лиц, связанных с партноменклатурой КПСС и спецслужбами КГБ.

Корреспонденты «МН» попросили прокомментировать эту идею как ее сторонников, так и противников.

Галина СТАРОВОЙТОВА, член Совета представителей движения «Демократическая Россия»:

В послевоенной Западной Германии демократию в значительной мере навязал «силой» оккупационный режим американских войск. За это теперь благодарные немцы ставят памятники безымянным офицерам-оккупантам. Мне показал такой памятник в своем магистрате сын фельдмаршала Роммеля, ныне бургомистр города Штутгарта.

А ведь наш процесс декоммунизации исторически подобен немецкой денацификации. Добровольно «очиститься» от темной части своей истории мало какому народу удавалось. Вот почему я думаю, что закон о люстрации вряд ли будет добровольно принят сегодняшним депутатским корпусом: его психология, уровень раскаяния или мазохизма, — как кому угодно — не позволяет ему этого сделать.

Нет также оснований полагать, что после печальной судьбы, постигшей указ о запрете КПСС, президент решится еще на один раздражающий красную оппозицию жест и проведет закон о люстрации указом. Да кроме того, вряд ли такой указ будет исполняться, особенно на местах.

Это должен быть именно закон, а не совокупность отдельных актов «просвещения» какой-то комиссией с неясными полномочиями первых секретарей на предмет того, кто из них на самом деле перестроился, а кто остался сталинистом-ленинцем. Более того, идея создания подобных комиссий (пусть под самой высокой эгидой) мне представляется весьма опасной — их деятельность неизбежно будет стоять вне закона

подобно деятельности печально известных троек или особых совещаний, решавших и в прошлом судьбы людей.

Это может быть только закон, не знающий исключений. Тщательно выверенный и взвешенный обществом — не жестокий и не суровый. Между прочим, в резолюции, принятой съездом «ДемРоссией», меры, которые предполагается принять против активных проводников тоталитарного режима, чрезвычайно мягки — это просто временные ограничения на право занятия некоторых государственных должностей, не более того.

Я не исключаю, что после новых выборов, если в парламенте сложится демократическое большинство, закон может быть принят. Тем более что законопроект, резолюция по которому предложена «ДемРоссией» на съезде, не предполагает никаких гонений против депутатов, президента и других лиц, даже активно сотрудничавших с прежним режимом, если они выбраны прямым всенародным голосованием. В конце концов, народу надо оставить право еще раз выбрать тоталитарное правление (хотя я надеюсь, конечно, что этого не произойдет) или усмотреть глубокие изменения в тех людях, которые были его проводниками, и доверить им свою судьбу.

Но даже если и следующий съезд не примет закона о люстрации, это не значит, что демократы не должны выступать с такой инициативой. Многие инициативы МДГ, скажем, не были приняты парламентом, но они поменяли акценты в сознании общества. Иногда важно указать ориентир — движение к нему может быть важнее, чем его достижение.

И, кроме того, пока мы интеллигентно призываем не охотиться на «ведьм» и вежливо называем бесноватых красно-коричневых оппозицией, они устраивают стрельбища в лесах вокруг крупных городов, где тренируются отряды их боевиков, избивают депутатов, не пускают мэра Петербурга на Пискаревское кладбище в день прорыва блокады. «Ведьмы» сами давно вышли на охоту. И мы хотели бы этим законом обозначить их «ведьминский» контингент. Я думаю, это имело бы для общества нравственно-очистительное значение.

Не надо предаваться иллюзиям, будто мы живем в нерасколотоном обществе, — давайте смотреть на это открытыми глазами. И если мы не шутим, а на самом деле хотим реформ, то, вероятно, без определенных ограничений для прежних «активистов» реальные реформы провести не сможем.

числе — страдающие психическими заболеваниями. Несколько общественных организаций давно и безрезультатно добиваются, чтобы медицинское освидетельствование призывников осуществлялось независимыми медкомиссиями. Новый закон предлагает иной вариант «оздоровления» армейского пополнения: принудительные лечебно-оздоровительные мероприятия. Причем из контекста соответствующей статьи закона ясно, что имеется в виду и принудительное психиатрическое лечение. Слова «с согласия призывника», имевшиеся в первоначальном тексте законопроекта, теперь выброшены. Выходит, опять возвращаемся к принудительной психиатрии?

Легко представить, как будут «оздоравливать» призывников: арест, заключе-

Реализована в новом варианте закона и давняя генеральская мечта об урезании поблажек для «злоупотребляющих» образованием. Планируется, что отсрочка в связи с учебой будет даваться человеку только один раз. Окончить ПТУ или техникум, так и быть, позволят. Если же хочешь учиться дальше — сначала послужи. Но ведь есть множество профессий, где непрерывность образования крайне важна. Музыкант, превращавший свои занятия на два года; физик-теоретик, после вуза попавший не в аспирантуру, а в стройбат... Вряд ли они потом смогут наверстать упущенное. Так что закон напрямую направлен против роста интеллектуального и культурного потенциала общества.

Борьба с «уклонистами» доведена в новом законопроекте до абсурда. Уго-

О фонде Галины Васильевны Старовойтовой

В марте 1999 г. в нашем городе было зарегистрировано общественное объединение — Санкт-Петербургский общественный фонд, — который мы назвали «Музей Галины Васильевны Старовойтовой». В 2000 г. аналогичный фонд образован и зарегистрирован в Москве.

Концепция, цели и задачи деятельности петербургского фонда — это, с одной стороны, сохранение памяти о выдающемся ученом, правозащитнике и политике, а с другой — работа с молодежью. Прежде всего, это — ежегодный конкурс памяти Галины Старовойтовой по поддержке молодых талантов — «Галатей». Фонд организует мероприятия, связанные с днями памяти Галины Васильевны — 17 мая и 20 ноября каждого года; постоянные и временные экспозиции; «круглые столы», слушания по актуальным событиям в Санкт-Петербурге, в России, в мире («дискуссионный клуб»); «круглые столы», посвященные событиям в науке (например, презентации книг по этнографии, социологии, психологии, этносоциологии и т.п.).

Создание видеотеки с фильмами, в том числе о Галине Старовойтовой, а также по теме «Женщины в политике» и другим темам, связанным с культурными, национальными и правозащитными вопросами.

Направления работы музея: библиотека, архив, постоянные и временные экспозиции, организация экскурсий, «неформальная» депутатская приемная, продолжение некоторых из незавершенных дел избирателей Г.В. Старовойтовой.

Нашим фондом сделано уже немало:

- изданы три книги Галины Старовойтовой, три памятных буклета;
- проведено две выставки, посвященные ее памяти (в Петербурге, в Музее политической истории России, а также в Москве, в Музее современной политической истории);
- создано три видеофильма («Белый танец», «Галина», «День рождения»);
- издано два памятных фотоальбома;
- было организовано и проведено несколько телевизионных передач, посвященных ее памяти;

- проведено семь конкурсов молодых талантов «Галатей».

Программа «Галатей» осуществляется в форме ежегодного конкурса для молодежи памяти Галины Старовойтовой. Конкурсы являются тематическими. В целом программа посвящена тематике толерантного сознания в российском обществе и затрагивает широкий круг гуманитарных проблем: этнических, защиты прав граждан и прав этнических меньшинств и т.п. Рассматриваются работы по социологии, этнологии, политологии, истории, психологии и другим смежным дисциплинам, по которым работала Галина Васильевна и как ученый, и как политик.

Реализация программы проходит совместно с Санкт-Петербургской Ассоциацией социологов и Санкт-Петербургским Союзом Ученых. Первый конкурс был проведен осенью 2000 г. при поддержке Фонда Конрада Аденауэра. Тема первого конкурса — «Этничность и национализм в современном мире»; второго конкурса (проведенного в мае 2001 г.) — «Защита прав человека в

Российской Федерации», третьего — «Ксенофобия, экстремизм и терроризм: есть ли выход?»; четвертого — «Свобода слова и свобода совести в электронную эру»; пятого — «Тревоги и надежды моего поколения»; шестого — «Гражданское общество»; седьмого — «Петербург: социальный рельеф и культурный ландшафт». По итогам конкурсов издаются сборники лучших работ участников.

Фонд Галины Старовойтовой расположен в ее бывшей депутатской приемной по адресу: СПб, ул. Большая Морская, дом 35 (3 этаж). Телефон: 314-37-28. Музей работает по средам и субботам.

Фонду помогали Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса), Фонд Аденауэра, компания «Петромир», компания «Евросервис», ООО «БРАВО-Интернешнл». Частные спонсоры несколько раз помогали нам небольшими суммами для оплаты аренды помещения и телефона, коммунальных платежей. Поддерживает наш конкурс также Региональная Общественная организация «Открытая Россия».

Наш фонд нуждается в Вашей поддержке. Мы просим тех, кому дорога память о Галине Старовойтовой, содействовать нашей работе.

Благодаря усилиям Петербургского и Московского фондов, 13 января 2004 г. было принято Постановление правительства Санкт-Петербурга об увековечении памяти Галины Старовойтовой в нашем городе. Для его реализации были нужны серьезные средства. Ведь наш фонд и по сути, и по форме — бесприбыльный.

Мы благодарны Правительству Петербурга, которое не только приняло решение об увековечении памяти Галины Старовойтовой в нашем городе, но и оказало большую организационную помощь.

Мы выражаем благодарность также организациям и гражданам, которые внесли посильную помощь в реализацию этого решения.

**Руководитель фонда
Ольга СТАРОВОЙТОВА**